О де РИБАСАХ И ДЕРИБАСАХ

Как я вам говорил по телефону, мой прапрапрапрадед — Иосиф де Рибас [Иосиф де Рибас => София Иосифовна де Рибас, в браке княгиня Долгорукая => князь Михаил Михайлович Долгорукий => князь Анатолий Михайлович Долгоруков => (от второго брака) княжна Ольга Анатольевна Долгорукова, в первом браке Словицкая => Борис Владимирович Словицкий => Анджей Борисович Словицкий]. Я почти 10 лет занимаюсь в архивах России, Украины, Польши, Франции и Испании исследованием истории рода князей Долгоруких и связанных с ними семей, в том числе рода де Рибас. Впоследствии будут книги. Впереди поездка в архив в Неаполь, чтобы выяснить все тайны и сказки, связанные с основателем Одессы. Конечно, это финансовые затраты, которые мне как эмигранту из Польши никогда не вернуть.

В книге Сергея Сергеевича Шульца "Прогулки по Невскому проспекту" в этом году будет издана и моя "Генеалогия потомков князя Михаила Михайловича Долгорукого". Они тоже, причем единственные законные потомки дона Жосепа ("Joseph" — так правильно писалось в XVIII веке имя основателя Одессы по-каталански (теперь пишется "Josep") [родной язык его отца], а по-ирландски [родной язык его матери] надо читать "Жосеп". В XVIII веке в Неаполе при дворе Неаполитанского королевства не говорили по-итальянски, в XVIII-XIX вв. в центре вечного Неаполя был отдельный испанский район, поэтому дон Жосеп не носил ни итальянского имени "Giuseppe/Джузеппе", ни кастильского/испанского "Jose/Хосе", а каталанское или ирландское) де Рибаса, ныне живущие в Швейцарии (Св. Кн. Георг Александрович Юрьевский — тоже правнук Имп. Александра II; графы Лорис-Меликовы), в Германии (семя Клотильды фон Ринтелен, ур. графини фон Меренберг — также праправнучка А.С. Пушкина и Имп. Александра II), в Италии, Южноафриканской республике и Польше.

В вашем издательстве и на интернет-сайтах Одесского историко-краеведческого музея, Музея западного и восточного искусства в Одессе и многих других, в том числе на памятнике де-Рибаса в Одессе (и на открытках) неправильно ("Дерибас") пишется фамилия основателя Одессы. Единственная правильна форма — это "де Рибас" или как раньше "де-Рибас", что значит по-русски "из Рибас (города, местечка)", по-немецки "фон/von", по-итальянски "di/di". Но традиционно пишется "улица Дерибасовская".

Короткая форма фамилии "Рибас". Согласно международным нормам в библиотеках в таком случае указывают фамилию как начинающуюся на букву "Р" [Рибас, Александр Михайлович де], а не на "Д". Это тем более важно, что есть фамилия "де Рибас" (основателя Одессы, его братьев или их законных мужских потомков, происхождения каталонского или вообще испанского) и есть фамилия "Дерибас" (это Даниил, сын Веры Симеоновны Яненко, усыновленный бездетным Александром Станиславом Михайловичем де Рибасом, и его потомков, Всеволода Даниловича и Олега Всеволодовича Дерибас, ныне живущего в Одессе председателя "Дома де Рибас"; также и крепостные братьев де Рибас, которые не имели фамилии и звались "Дерибас").

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в С.-Петербурге, в фонде 1405, описи 105 находится дело 15710 I Департамента Министерства Юстиции, Гражданского отделения по 3 делопроизв. "Об усыновлении детей Михайловым, Преженцову и де-Рибас". Начато 14 апреля 1904, на 10 листах (это дело смотрел Олег Дерибас и сделал с него копии, что подтвердил своей подписью). У меня есть выписка из этого дела.

Лист 8: Краткая записка из дела по прошению потомственного дворянина Александра-Станислава Михайлова де-Рибас, полученного 17 января 1904 года, о возведении усыновленного ему Данила в личное почетное гражданство, о предоставлении ему фамилии "Дерибас", отчества "Александрович" и о выдаче усыновленному свидетельства на вышеозначенное звание.

1904 года апреля 18 дня вышла резолюция Правительствующего Сената следующего содержания: "Рассмотрев настоящее дело, Правительствующий Сенат находит, что внебрачный сын дочери потомственного гражданина, Веры Сименовой Яненко, малолетний Даниил, будучи усыновленным потомственному дворянину Александру-Станиславу де-Рибас, приобрел чрез сие усыновление, по сим ст. 153 т. X ч. 1 изд. 1900 года, право на личное почетное гражданство. По сему и принимая во внимание (л. 8 об), что относительно присвоения усыновленным тех или иных отчеств в законе не содержится никаких ограничений, что выше помянутый, как пользующийся меньшими, сравнительно с усыновителем, правами состояния, может принять от своего усыновителя носимую им фамилию, но с начертанием ее в одно слово "Дерибас", что от присвоения Данилу указанной фамилии нарушение интересов дворянского рода де-Рибас не последует за не сообщением усыновленному, как личному почетному гражданину, сопряженных с дворянскою фамилиею усыновителя прав и преимуществ, — Правительствующий Сенат определяет: усыновленного определением Киевского Окружного Суда от 6 февраля 1903 года потомственному дворянину Александру-Станиславу Михайлову де-Рибас сына дочери потомственного почетного гражданина Вере Яненко малолетнего Даниила возвести в личное почетное гражданство (л. 9), на предоставление же ему фамилия "Дерибас", отчества "Александрович" испросить Высочайше Его Императорского Величества соизволение и, по воспоследовании оного, выдать Данилу Александровичу Дерибас свидетельства на означенное знание.

Обер Секретарь /.../
Помощник Обер Секретаря /.../

Иосиф Николаевич Сабир, внук Иосифа Иосифовича Сабира, внебрачного сына дона Иосифа де Рибаса, подал в 1917 году прошение на Высочайше имя о разрешении принять его мужским потомкам фамилию "Сабир-де-Рибас". От Императора Николая II последовал отказ (сообщение его сына Константина Иосифовича Сабир-де-Рибас, проживающего ныне в С.-Петербурге). Помимо того, в советской России начали не только мужские, но и женские потомки незаконно зваться "Сабир-де-Рибас". Ранее обнаружено мною указанное выше дело "о усыновлению Данилы". Константин Иосифович сказал мне, что его дедушка Иосиф Николаевич Сабир ездил в Одессу и встретил там только двух бездетных старичков де Рибас, которые сказали, что они последние в роде.

Я только один раз был в Одессе, в начале перестройки, и город в сравнении с другими советскими мне понравился. Уже давно собираюсь приехать второй раз.

Третья жена моего прадеда, князя Анатолия Михайловича Долгорукова, была Стефания Семеновна Бройде (или Бройдо), в первом браке Кумбо. Она была еврейского происхождения (наверное, крещеная или перекрещенная в православной церкви), рожденная в Одессе в 1878 году, была очень богатой. Имела в Сибири золотые рудники. Надо мне уточнить ее дату рождения в Одесском архиве. Известно ли вам или историкам города, что-нибудь о ее родителях? Кем были, купцами, банкирами или просто бедной еврейской семей в Одессе?

Анджей СЛОВИЦКИЙ.

КАКОЙ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД TALLINN ТАЛЛИНН

Не знаю, что это будет — рассказ или очерк. Вообще, вся история мне видится как анекдот.

Я работал целый год, мечтал, что скоро попаду в Таллинн. Заказал билеты, поменял паспорт и блаженно ожидал этой минуты. Вдруг зазвонил телефон, и женский голос мне сказал, что "долгожданный билет в Таллинн вы потеряете, если не сделаете визу в Эстонию". Началась беготня, телефоны, волнение, чтобы получить эту злополучную визу через Варшаву, с кем-то из знакомых — через месяц. Я получаю ее с оказией. Лечу в Таллинн. Там меня ждут родные мне люди, друзья. Наконец-то!

Завтрак, обед в самолете, подо мной мелькают страны. Мечта!

Прилетаю в Варшаву, аэропорт, ждем несколько часов транзитный самолет в Таллинн. Хожу по дутифри-шопам, мелькают люди, вещи, гэйты, я очумел от обилия увиденного; присел за столик кафе. Сижу. Прихожу в себя, вдруг слышу: "Excusez-moi?". Вспоминаю свою жизнь в Париже; когда жил в Cotte de Sar. Передо мной человек в бабочке, приглашаю присесть, "merci". Обмениваемся любезностями. "Откуда вы?" — "Я из Тель-Авива в Таллинн, а вы?" — "Я из Парижа в Киев". — "Что вам делать в Киеве? Там рэкет, мафия", — вспоминаю Чернобыль. Говорит: "Я доктор, еду на конференцию, а вы?" — "Я художник, жил в Париже, писал Монмартр, клошаров в Париже, в метро Сан Поль, на мосту Сены, Понт Филипп, Понт Неф". Наши пути расходятся. Он говорит мне "шалом", я ему — "au revoir". Он сказал, что француз, но я понял, что он еврей. Я улетел в Таллинн, он — в Киев, глотать радиацию. Летим, мелькают страны, города, поля, нарезанные квадратиками, стада облаков, как овечки, разбросаны в голубом. Время проходит быстро. Таллинн встречает жарой. Едем в Vana Viti. Деревянный домик возникает из лесной чащи, как игрушка из сказки. Любимые мне люди, друзья. Встречают вином, мясо жарится в гриле. Кто-то принес биточки из рыбы.

Припомнились мне запахи моря — я на 16-й станции Большого Фонтана, море, Одесса. Мама готовит на примусе из маленькой рыбки под названием "хамса" рыбные биточки. Этот запах останется в моей памяти на всю жизнь. И вдруг Vana Viti и рыбные биточки! Имею неосторожность похвалить хозяйку за кулинарное искусство. Отпуск проходит отлично; море, лес, я в домике, похожем на деревянную шхуну. Сосед мой — эстонец, каждое утро кричит мне приветствие "tere" — здравствуй. Месяц проходит как один день.

Выставка моих картин в старом городе в галерее Долорес Гофман "Домино"... Приходит огромное количество людей, не знакомых мне, с цветами. Так принято в этом городе. Пришла и кулинарная искусница и принесла пакет, мигнув мне заговорщицки: "Это они...". На следующий день возвращаюсь в Тель-Авив рейсом через Варшаву. Голод мне не грозит, со мной биточки, но радость моя преждевременна. Обед в самолете, приносят специальный заказ. Приносят семгу и салат из тунца. Ну, думаю, биточки не пойдут, съем их, когда буду ждать рейса на Тель-Авив в Варшаве...

Сижу, наслаждаюсь видом из окна самолета. Барашки облаков приветствуют меня. Слушаю, как проходят тунец с семгой по пищеводу. Где там идиллия Большого Фонтана, гудят моторы, летим. Замечаю что-то странное, соседи по самолету озираются на меня и принюхиваются, начинаю и я принюхиваться... Неужели мои биточки дают о себе знать? Запах становится все сильней, вот он идет по нарастающей и становится невыносим, соседка, сидящая сзади, не выдерживает и бежит к стюардессам, жалуясь на запах. Приходит симпатичная полька-стюардесса и принюхивается ко мне. Ну, думаю, начинается. Биточки начинают свое злое дело. Проклинаю тот день и час, когда так неосторожно похвалил их изготовительницу. Не знаю почему, меня начинает разбирать дикий смех. Но смеяться нельзя — поймут, чья кошка мясо съела. Но я вспоминаю лицо дарящей, и смех меня душит с новой силой. Глядя на меня, начинает смеяться англичанин, сидящий сбоку, почему-то размахивая руками и указывая на кухню. Начинаю понимать, что это чересчур сильный запах для нескольких биточков, он не мог заполнить весь самолет. Постепенно включили сильную вентиляцию, и запах стал исчезать. Через полчаса он исчез совсем, и до меня дошло, что биточки спасены, и я их спокойно могу съесть, ожидая самолет в Тель-Авив, что я и сделал.

Таня ДОРИН.
Израиль.

ПАМЯТИ ТАМАРЫ БЕЛОРУСЕЦ

21 января — день смерти первого и бессменного на протяжении восьми лет редактора "Одесского Листка" Тамары Белорусец.

Небольшая по объему, но емкая по информации газета разлеталась по четырем континентам Земли.

С уходом из жизни Тамары читатели ощутили эту потерю. Особенно люди, знавшие ее многие годы до эмиграции. В их числе был и я. Мы вместе проработали около тридцати лет в одесском институте Гипропром. Благодаря своим способностям она защитила диссертацию и стала кандидатом экономических наук. Эмиграция забросила ее в Америку, а через какое-то время мы встретились вдали от родной Одессы — в Сан-Франциско.

Здесь мы влились в большую коммюнити земляков, здесь встретили многих своих сотрудников, а также разыскали и наладили связи не только с эмигрировавшими в Америку, но и в другие страны Европы, Азии, Австралии...

Здесь, за океаном, мы начали новую жизнь, но милая Одесса всегда оставалась в нашей памяти и перед глазами. И не удивительно, что в преддверии 200-летия Одессы многие из нас задумывались, как отметить этот славный юбилей.

Зародилась мысль о создании Одесского землячества в городе, где обосновалось много одесситов. Вскоре улицу Гири — главную улицу одного из городских районов Ричмонда, — на которой преобладает русская речь, одесситы стали называть "Гирибасовской".

Хорошо помню первые собрания энтузиастов, на одном из которых энергичный и очень инициативный одессит Михаил Моргулис подал идею выпустить к юбилею города "Одесскій Листокъ", с таким названием, как у газеты, выходившей в нашем городе с 1872 года, более ста двадцати лет назад.

Выпуск газеты предполагался разовый — только к юбилею города. Редактирование ее было поручено Тамаре Белорусец, и ко второму сентября 1994 года одесситы Сан-Франциско увидели первый номер возрожденного "Одесского Листка". Однако оказалось, что ограничиться выпуском только юбилейного номера стало невозможно. Одобрительные отклики о появившейся интересной русскоязычной газете, да к тому же еще одесской, телефонные звонки и письма совершенно неожиданно показали необходимость продолжения этого издания.

Умелые руки, большая эрудиция и опыт работы в редакции городской газеты "Взгляд", высокая культура нового редактора сделали газету востребованной не только одесситами, ее с удовольствием читали иммигранты и из других городов бывшего Союза.

Благодаря неустанной и самоотверженной работе Тамары, ее энергии, а также постоянной моральной и материальной поддержке одессита доктора В.И. Квиташа газета смогла продолжать свою жизнь, а ее редактор быстро завоевала всеобщее уважение.

Нас с Тамарой объединяла не только работа в одном институте, но и любовь к родному городу. Тамара всегда проявляла интерес к моим публикациям. Она проводила мою встречу с читателями на презентации книги "И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь". Узнав, что я работаю над книгой о своих встречах, знакомствах, переписке с известными писателями, артистами, художниками, полярниками, космонавтами, она выразила желание обязательно написать к ней предисловие. Ее желание и готовность были для меня очень приятны и лестны. Но, к великому огорчению, моей надежде не суждено было сбыться.

В ее жизни большую роль играла присущая ей коммуникабельность. Ее интеллектуальное развитие, широкий кругозор и доброта привлекали окружающих людей независимо от возраста. Она умела дружить и дружила не только со сверстниками, а и с людьми намного моложе и старше ее. Она была для многих хорошим товарищем или другом, готовая всегда прийти на помощь. И газета, которую она делала, дышала добротой и любовью к людям и к нашей родной и незабываемой Одессе. Ее всегда интересовал и тревожил вопрос: "Как живется тебе, моя Одесса?" — и это находило отклик в каждом номере газеты. Она была внимательна к читателям и не оставляла ни одного вопроса без ответа.

Об этом с благодарностью свидетельствовали многочисленные телефонные звонки и постоянно приходившие в редакцию письма.

По своей задумке "Одесскій Листокъ" должен был служить объединению одесситов. Призывный клич: "Одесситы всех стран, соединяйтесь!" был в действии, и газета успешно сыграла свою роль в объединении земляков, волею судьбы оказавшихся во многих странах обоих полушарий планеты. Заслуга в этом ее редактора Тамары Белорусец!

Тяжелый недуг преследовал Тамару многие годы. Но всякий раз она героически боролась с ним и возвращалась из госпиталя домой, продолжала работать и регулярно выпускать газету из месяца в месяц, без срывов.

Она мечтала выпустить сотый номер газеты, но в январе 2003 года ей снова пришлось лечь в госпиталь.

Периодически я звонил ей, и когда она могла, мы совсем недолго, буквально несколько минут, разговаривали. Как-то, превозмогая боль, она сказала мне: "Не думай, что я бездельничаю здесь. Очередной номер уже подготовлен". И действительно, находясь в тяжелейшем состоянии, она смогла полностью подготовить февральский номер газеты.

В другой раз она сказала: "Павлик, — так она обычно называла меня, — домой я уже не вернусь". Это были ее последние слова, услышанные мной.

Чувствовала себя она очень плохо, надежд на улучшение не было, но не хотелось с этим мириться, и как-то подспудно теплилась надежда на свершение чуда — что она, как бывало уже много раз, вернется домой.

Через несколько дней — 21 января — Тамара ушла из жизни. Текст первой страницы подготовленной ею газеты № 99 был заменен некрологом с ее портретом.

Ко дню 70-летия Тамары Михаил Моргулис и Аркадий Левитин организовали большой концерт. Он проходил в переполненном зале старого здания Jewish Community Center.

Цветы, горячие поздравления и добрые пожелания — все было в тот вечер адресовано юбиляру. А потом был прекрасный концерт, в котором исполнялись и ее песни, положенные на музыку необыкновенно одаренным Мишей Моргулисом.

А 22 февраля 2004 года все те же друзья Тамары, Михаил и Аркадий, устроили грандиозный вечер ее памяти. Колоссальный современный зрительный зал в новом здании не смог вместить всех пришедших.

Уже в вестибюле здания началась "встреча" с Тамарой. Со стенда смотрела она на нас с многочисленных фотографий. А на столах были результаты ее неутомимого труда — "Одесскіе Листки", начиная с самого первого номера.

Многие знакомые, коллеги, друзья выступали с воспоминаниями о ней, а с грандиозного экрана, с кадров кинохроники и фотографий смотрела на нас, зрителей, живая, улыбающаяся Тамара.

Этот вечер навсегда останется в нашей памяти, как и добрая, всегда дарящая людям радость Тамара.

Тамара одарила нас двумя сборниками прекрасных лирических стихов, которые есть у всех уважающих и любящих автора. А третий, посмертный сборник выпущен ее ближайшими подругами.

Ее помнят и любят тысячи читателей, товарищей, знакомых и друзей в родной Одессе и Санкт-Петербурге, в Белгороде-Днестровском и Киеве, в городах Америки и Австралии, Канады и Германии, Израиля, Чехии и всюду, куда рассылался ее "Одесскій Листокъ".

Павел ЦАУДЕР.
Сан-Франциско.